

Пре-люди-я...

«Какой маленький, какой Большой театр. Театр! Игру ансамбля актеров — восхитительная Бразилия!»

«Кругой спектакль «Затмение»...
Знаете, я часто живу в театре, как правило в Большой и академические, но только в вашем, на спектакле «Белые розы, розовые слоны», плакала... Светлана Мизери — великая актриса!»

«Сопричастность» — ты молодой...
«К нам пришел человек как к толику. В вашем театре, словно у больших писателей, уважительное отношение к каждому как к Личности. Спасибо. Дам вам Бог осилить все трудности...»

Эти несколько фрагментов из книги отзывов, в которой пишется история московского драматического театра «Сопричастности», лишь отчасти передают атмосферу, царящую в уютном доме на улице Радио, 2.

Читая в периодической печати статьи о том, как умирают театры, мне захотелось рассказать о театре, как рождается и набирает возмужавшую силу творческой коллектив, возглавляемый заслуженным артистом Российской Федерации режиссером Игорем Сиренко.

Т.М.: Игорь Михайлович, знаете, я никогда не слышал, чтобы вы были актером Театра имени Маяковского, ставили спектакли в театрах имени Пушкина, Гоголя, провалили силы как администратор — были директором... Что побуждало вас создать свой театр?

И.С.: Прежде всего, внутренняя готовность и чувство ответственности за то, что происходит. Когда я понял, что есть уже достаточный опыт и что я обладаю, как выразился мой друг, кинорежиссер Е.Герасимов, способностью через чувство человеческого открывать неизведанное в известном. Если хотите, на том стою! Ведь что происходит сегодня? Слово и рядом создается и продвигается в своем, существующем роде подпорки иллюзии: сценки, шокирующие атрибуты — для того, чтобы привлечь зрителя. Я же хочу, чтобы зритель шел к нам по велению души. Чтобы ему хотелось прийти в Театр — в том классическом понимании, каким он был задуман природой. Так мы по крайней мере сохраняем и театр, и труднейшую профессию «актер».

Т.М.: Вашему театру четыре года. Год вы работаете на этой сцене. За столь непродолжительное время московский зритель увидел в вашей постановке «Трагедию вождя и народа» О.Бенюха, «Отравленную тунику» Н.Гумилева, «Белые розы, розовые слоны» У.Гибсона, «Затмение» С.Злотникова, в перспективе премьеры «Наслаждение» И.Жанкина, «Лето» — книга золотая А.Толстого... Где силы берет?

И.С.: В творчестве.
Т.М.: Режиссуре не учат. Ваша определенная профессия «режиссера»?

И.С.: Опыт творческой жизни позволил Бенюху Шоу ответить на подобный вопрос весьма оригинально: «Я никогда не хотел быть драматургом, поскольку я не родился». Что же касается меня, то до сих пор я не решаюсь назвать себя режиссером — это профессия каждого дня. Испытание идет каждое мгновение. Отсюда и самоконтроль, и трепет, и волнение. Есть актриса В.Вениковича-Данченко: Актриса — Режиссер. И мы ничего не усложняем. Мы идем за Автором.

Т.М.: Я обратила внимание на то, что в символах вашего театра присутствует триединство.

И.С.: Триединство высшего порядка. Создавая эмблему юноша, художник Николай Панин.

Это важно. Ведь как случилось то, что с нами случилось? Как привыкли воспринимать себя только в земном измерении. Но есть нечто высшее. Часто мы имеем дело с существованием реальности, ведущей к бесконечности? О гармонии миропорядка? О нашей связи и взаимозависимости? Эти мысли есть в каждом нашем спектакле, в эмблеме, значит — в душе молодого человека...

Т.М.: А название театра — «Сопричастность» — вы не слышали?

И.С.: В названии — эстетическая программа: да, мы хотим быть причастными и к нашей истории, и к наследиям прошлого. Мы ведь только эстафета жизни. Наша задача — сохранить и развить в этой неразрывной порочности индивидуальность. Чтобы было что передать.

Т.М.: В труппе нашего театра народная артистка России Светлана Мизери, актеры Борис Панин, Наталья Кулиникова, Николай Таркин, Марит Зимина, Николай Руманов, Михаил Жаров, Владимир Карданов, другие не менее интересные мастера сцены, составляющие единый организм. Они не играют — они живут страстными силами, терпением, истинно эстетично, что зритель невольно становится соучастником действия, это заметно — по реакции зала, по тому отклику, которые оставляют они после просмотра спектаклей. Какими критериями руководствовались вы, подбирая команду?

И.С.: Порядочно человеческого и преданности профессии.

Т.М.: Несмотря на то, что все ваши работы поднимают проблемы вечные, глобальные, все они о любви и прежде всего о любви. Насколько я понимаю, такому прочтению драматургии в немалой степени способствует режиссура?

И.С.: У нас короткая память: вот мы говорим о племени майя, о скифах, в большинстве людей уже не помнят Хиросиму, Чернобыль. Исследуя главный предмет искусства — человека, я пытаюсь проникнуть в его сердце. Разрабатывая тему — человек и власть, личность и общество, — я пытаюсь достучаться до сознания, чтобы каждый самостоятельно вышел из быта на уровень глубоких философских обобщений. Без Любви, без Веры у нас нет будущего. Если удастся донести эту мысль до зрителя, даже в единичных случаях, — мы не напрасны. Наука доказывает, что нравственные инстинкты совершеннее человеческого сознания. Исчезло немало народов с лица земли по неадаптивности, бесчеловечности. Можем исчезнуть и мы. Все человечество, в одночасье, если не изменимся внутренне.

Т.М.: О чем вы думаете чаще всего?

И.С.: Мысли мои? Они о наших детях. Во время школьных каникул я просмотрел репертуар театров — почти ничего нет для детей. Да и наш театр показывает всего один спектакль «Тайна заколдованного портрета» по пьесе М.Панфиловой-Рыжиковой. Он держится только на энтузиазме актеров. Я хотел бы поставить для них А.С.Пушкина, Диккенса, Гауптмана, но на постановку нужны большие средства. Надо ли говорить о средствах, когда почти утрачен генезис? Восстанавливать — понадобится много поколений. Усложнить процесс — задача интеллигентства. Только высокое искусство может разбудить в маленьком гражданине чувство прекрасного. Тогда слова «духовность», «нравственность», «патриотизм» не будут казаться ему иностранными. Но без смыслового наполнения ничего не получится.

Т.М.: Острые воспоминания вашего детства?

И.С.: Я в детстве не мог стрелять из рогатки по воробьям. Однажды подобрал раненую птицу, перебинтовал ее, положил с собою в постель, а ночью во сне придушил ее своим телом... Передать словами, что я испытал утром, и сейчас не могу. Такое же чувство было, когда, съевшая вишню, немароком обломал основное корневище. Всякий раз так пышно зацвела, но вскоре засохла. Простить себя не могу.

Т.М.: А радостные воспоминания?

И.С.: Есть, конечно. Когда Борис Ельцин захватил после первой консультации принял меня в Щукинское. Когда сразу после окончания училища Н.П.Охлопков взял меня в труппу Театра имени Маяковского. О, это вообще целая история! Меня повезли к нему на смотры, на дачу. Мастер сидел в лесу, дымился костер — как сейчас вижу надвинувшийся на лоб серый берет... Не глядя на меня: «Вон видишь сосну? — А сосна была метрах в тридцати. — Читай оттуда «Песню про купца Калашникова». Я — в золотом галстуке, плащ-болонья... 60-е годы, модно было... Плащ — выхрен к ногам Учителя, а — к сосне.

Что я хочу сказать? Великие мастера помогают раскрыться таланту: Захав любил меня, верил в меня... Гончарова вспоминаю с благодарностью — двенадцать лет проработал у него актером. Суровая школа была, но очень нужная.

Т.М.: Вы с таким почтением говорите о своих учителях. Портреты Михаила Чехова,

Охлопкова, Е.Вахтангова в наших кабинетах... И.С.: Конечно, я следую их традициям и Заповедям: «Ученик, приезжай учи...». Превозмогая, не правдой — не в том суть. Лучшее то, что они нам дали, никто ничего не придумал. Я считаю своим долгом будить в людях почти умершие чувства доброты и сострадания к ближнему. Иначе в кого мы превратимся с этой воинствующей дикостью?

Т.М.: Давайте хотя бы на мгновение представим, что в мире нет, исчезла адрут музыки, поэтические строки, живопись... Что будет тогда наша жизнь?

И.С.: Ночь.

Т.М.: Как вы относитесь к тому, что ваш театр расположен рядом с храмом Вознесения Господня?

И.С.: Знаете, если в этом храме будут молит-

ся хотя бы четыре бабули, я верю, что-нибудь хорошее они все-таки вымолят.

Т.М.: Известно «Театр начинается с вешалки», на мой взгляд, заменено у вас на «Театр начинается со зрителя». Здесь все подчинено ему. В зале всегда присутствует, как правило, представляется трех поколений. Это программа?

И.С.: Да. Мы мысли о своем зрителе, он у нас есть и, надеюсь, будет всегда.

Т.М.: Что вы считаете самым трудным в человеческой жизни, самым необходимым и главным?

И.С.: Встречу с самим собой. И давай все, чтобы как можно больше людей, проходила вместе с вами жизнь города, всталились с самим собой. И изменили мир.

Тамара МЕЛЬНИКОВ

Императрица — артистка
Наталья Кулиникова, император
Юстиниан I — артист Борис Панин

о театре
театр "Сопричастности"